

Американская стратегия сдерживания США в условиях перехода к полицентричному миру

Инструмент политики глобального доминирования

Олег ИВАНОВ

Глобальная картина мира, меняющаяся в сторону увеличения веса и роли ведущих стран, не входящих в коллективный Запад, вынуждает США пересматривать свою глобальную политику и силовые компоненты потенциала, нацеленные на обеспечение глобального доминирования.

Новым трендом становится стратегическое соперничество на мировой арене между США, с одной стороны, а с другой – Россией и Китаем.

В своей глобальной политике США по-прежнему опираются на фундаментальную стратегию сдерживания потенциальных противников и соперников, внося в неё определённые коррективы с учётом изменения геополитических реалий и появления новых передовых технологий. В этой связи представляется весьма актуальным рассмотреть следующие вопросы:

- как меняется классическая стратегия сдерживания, применяемая США в современных условиях;
- какие появляются сложности при применении сдерживания в новых сферах?

В основе сдерживания (*deterrence*) лежит фундаментальный постулат военного теоретика К. Клаузе-

вица, который считал, что «нападение может быть предупреждено очевидным решительным возмездием»

ИВАНОВ Олег Петрович – доктор политических наук, профессор Дипломатической академии МИД России. E-mail: oleg.ivanov@dipacademy.ru

Ключевые слова: США, КНР, Россия стратегическое соперничество, сдерживание, киберсфера.

за него невероятностью успеха»¹, а также классические подходы, разработанные американскими учёными в период холодной войны.

Согласно подходу одного из классиков сдерживания, «теория сдерживания будет фактически теорией умелого неприменения военной силы, и поэтому для сдерживания требуется нечто большее, чем военное мастерство»².

В продолжение такого понимания сдерживания Т. Шеллинг предлагает свою интерпретацию: «Смысл сдерживания – которое является типичным стратегическим понятием, – оказать влияние на выбор, делаемый другой стороной, что достигается путём оказания влияния на её ожидания относительно того, как мы будем себя вести. Сдерживание также включает в себя предъявление противнику свидетельств, заставляющих его поверить в то, что наше поведение будет определяться его поведением»³.

Уточняя суть сдерживания, Т. Шеллинг обращает внимание на два неординарных обстоятельства, проливающих свет на достаточно широкое понимание сдерживания.

В частности, он отмечает:

«Одно из них заключается в том, что, хотя название “стратегия конфликта” звучит пугающе, эта теория не занимается эффективным применением (выд. – Авт.) насилия или чем-то подобным; это вовсе не теория агрессии, противостояния или войны. Угроза (выд. – Авт.) войны – да, или какая-либо иная

угроза, но теория занимается применением угроз, или угроз и обещаний или – в более широком смысле – обусловливанием чьего-то поведения поведением других участников.

Второе обстоятельство состоит в том, что теория равным образом применима и к конфликту, и к ситуации общего интереса, к взаимодействию как потенциальных противников, так и потенциальных друзей»⁴.

Т. Шеллинг считает, что в совокупности теорию можно назвать теорией взаимозависимых решений.

Таким образом, разрабатывая свой подход, Т. Шеллинг выделяет два трека:

- нацеленный на возможное применение вооружённого насилия;
- ненасильственный трек, который скорее нацелен на поиск более выгодного решения, не связанного с вооружённым насилием.

Такая трактовка выходит за рамки военно-политической стратегии, ориентированной как раз на применение вооружённого насилия в случае провала сдерживания.

Необходимо отметить, что в дальнейшем американские теоретики и практики стали делать акцент на первом треке, где в качестве объекта сдерживания выступали исключительно противники.

Такое понимание получило своё отражение в общепринятом определении сдерживания.

Политологи Г. Крейг и А. Джордж понимали под сдерживанием «уси-

¹ Клаузевиц К. О войне. М.: Московский рабочий, 1990. С. 19.

² Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: Ирисэн, 2007. С. 22.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 28.

лие одного актора убедить своего оппонента не предпринимать некие действия против его интересов, убеждая оппонента, что затраты и риски этого действия перевесят то, что он надеется приобрести»⁵. По их мнению, для эффективного сдерживания формулу:

$Z + P > O.V.$, где

Z – затраты;

P – риски;

$O.V.$ – ожидаемая выгода, необходимо довести до противника и убедить его поверить в её эффективную реализацию.

В рамках классического подхода американские учёные отмечали три уровня сдерживания.

Первый уровень – стратегический.

По мнению политологов А. Джорджа и Р. Смоука, сдерживание осуществлялось «путём угрозы наказания» и выглядела таким образом: «Если вы сделаете X , то я сделаю вам Y . Если оппонент ожидает, что затраты от Y превышают выгоды от X , то он воздержится от действия Y , следовательно, его сдержали»⁶.

Здесь традиционно делался упор на стратегическое ядерное оружие в контексте модели гарантированного уничтожения.

Второй уровень – уровень ограниченной войны, где возможно применение как тактического ядерного оружия, так и только конвенционального.

Стратеги США полагали, что реализовывать сдерживание на данном

уровне более сложно из-за большего количества противников, и находящихся в разных регионах мира, большего разнообразия применяемого вооружения и разницы стратегической культуры государств.

К тому же «выбор видов и количества военных средств, например в ограниченной войне, осложнено не только неопределённостью относительно тактических требований, но что более важно – необходимостью подчинить тактику соображениям контроля над эскалацией и политическим целям конфликта»⁷.

Третий уровень – уровень ниже ограниченной войны.

Он включает борьбу с насильственными экстремистскими организациями, конфликты низкой интенсивности (КНИ), а также использование кризисной дипломатии.

Нужно отметить, что после окончания холодной войны и до начала глобального соперничества уже в наше время этот уровень считался в США самым актуальным, был наименее проработан учёными и оценивался как наиболее трудный для реализации ввиду большего количества задействованных разнообразных факторов, чем в первых двух (табл.).

Как следует из анализа характеристик, приведённых в таблице, проще всего в период холодной войны было реализовывать стратегию сдерживания на стратегическом уровне, сложнее на уровне ограниченной войны и наиболее трудно на уровне кризисной и превентивной дипломатии.

⁵ Craig G., George A. Force and Statecraft. Oxford: Oxford University Press. 1995. P. 180.

⁶ George A., Smoke R. Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice. N.Y.: Columbia University Press, 1974. P. 50.

⁷ George A., Smoke R. Deterrence in American Foreign Policy. P. 51.

Таблица

Характеристики сдерживания⁸

Характеристика целей	Стратегический уровень	Уровень ограниченной войны	Кризисная и превентивная дипломатия
Собственные цели			
Количество целей	одна	несколько	обычно много
Они противоречат друг другу?	–	иногда	обычно
Эти противоречия серьёзные и их трудно разрешить?	–	иногда	часто
Насколько мотивирована должна быть сторона?	абсолютна	неопределённа	очень неопределённа
Цели оппонента			
Количество целей	одна	несколько	много
Они ясны?	да	часто	редко
Ограничения ясны?	да	иногда	редко
Ясно, насколько он мотивирован для их достижения?	да	редко	почти никогда
Собственные средства			
Количество доступных видов средств	главным образом один	очень мало	много
Критерии для выбора	–	достаточно неясные	неясные
Средства оппонента			
Количество доступных видов средств	главным образом, один	очень мало	много
Трудности в определении, какие средства и сколько он использует	нет	часто некоторые	обычно значительные
Степень поляризации текущего или потенциального конфликта	абсолютная	острая	непостоянная и смешанная
Трудности в определении, будет ли сдерживание успешным	нет	не много	часто значительные
Общая двусмысленность ситуации	очень мало	иногда значительная	обычно очень большая
Некоторые другие национальные политические средства, пересекающиеся со сдерживанием	очень мало	некоторые	много
Вероятность трудных для разрешения столкновений этих политических средств	нет	иногда	обычно
Сколько возможных последствий этой ситуации	очень мало	сравнительно мало	большое количество
Кризис в сдерживании длится достаточно долго, чтобы изменить многие из упомянутых выше факторов?	нет	да	да
Природа рационализма в разрешении кризиса проблематична?	нет	незначительна	значительна
Неопределённости	минимальные	значительны	огромные

⁸ George A., Smoke R. Deterrence in American Foreign Policy. P. 52–53.

В настоящее время из-за разворачивающегося стратегического соперничества великих держав⁹ теория сдерживания получила не только дополнительный импульс, но и качественную модернизацию в американской военно-политической теории и практике.

В Национальной оборонной стратегии США (2022 г.) вводится новое понятие – **интегрированное сдерживание**. «Интегрированное сдерживание – это то, как мы будем согласовывать политику, инвестиции и деятельность министерства для поддержания и укрепления сдерживания – с учётом конкретных конкурентов и скоординированной с максимальным эффектом внутри министерства и за его пределами»¹⁰.

Руководство США готовится реализовывать интегрированное сдерживание в следующих видах:

– «сдерживание путём воспрепятствования. Для сдерживания агрессии, особенно в тех случаях, когда потенциальные противники могут действовать с целью быстрого захвата территории, министерство разработает асимметричные подходы и оптимизирует нашу позицию по воспрепятствованию»¹¹;

– «сдерживание за счёт устойчивости. Недопущение получения преимуществ в результате агрессии также требует стойкости – способности выдерживать, бороться и бы-

стро восстанавливаться после разрушений»¹²;

– «сдерживание путём прямого и коллективного навязывания затрат. Стратегии воспрепятствования и устойчивости необходимы, но не всегда достаточны. Эффективное сдерживание может также зависеть от нашей способности иметь издержки, превышающие предполагаемые выгоды от агрессии. Министерство продолжит модернизацию наших ядерных сил, что является конечной опорой для сдерживания нападений на родину и наших союзников и партнёров, которые полагаются на расширенное сдерживание со стороны США. Подходы к прямому навязыванию издержек также включают широкий спектр других средств, включая конвенциональное вооружение дальнего действия, наступательную киберсистему, иррегулярную войну, поддержку внутренней обороны, а также межведомственные инструменты, такие как экономические санкции, экспортный контроль и дипломатические меры»¹³.

Особое внимание уделяется эффективной передаче нужного сообщения противнику для успешной реализации сдерживания, где важную роль играет информация.

Её передача нацелена на реализацию формулы: $Z + P > O.V.$ (Z – за-

⁹ Иванов О. Американский взгляд на стратегическое соперничество и роль военной силы // Обозреватель–Observer. 2024. № 2. С. 27–36.

¹⁰ The 2022 National Defense Strategy of the United States of America. P. 8 // URL: <https://www.usagovpolicy.com/2022-national-defense-strategy/>

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. P. 9.

траты, Р – риски, О.В. – ожидаемая выгода).

Предполагается, что вероятный противник должен иметь представление о намерениях США и их потенциале для того, чтобы понять и оценить последствия своих действий.

Всё это, по мнению американских стратегов, позволит реализовать новый вариант сдерживания, известный как «Индивидуальный подход к сдерживанию» (*Tailored Deterrence Approach*). При этом официально приоритет отдаётся сдерживанию от стратегического нападения. В рамках этого варианта сдерживания предусматриваются меры против как от широкомасштабных, так и от ограниченных ядерных нападений, исходящих от достаточно широкого круга противников. Для этой цели «министерство (имеется в виду обороны США. – Авт.) будет применять комплексный подход к сдерживанию, который опирается на специализированные комбинации обычных, кибернетических, космических и информационных возможностей, а также уникальные сдерживающие эффекты ядерного оружия»¹⁴.

Это объясняется тем, что руководство США планирует реализовывать стратегию сдерживания в ином спектре вооружённых конфликтов, чем в предыдущие годы. В настоящее время выделяется следующий диапазон конфликтов: межгосударственный, внутригосударственный и гибридный¹⁵.

Согласно американскому официальному определению, **межгосударственный конфликт** – это «широкомасштабное применение военной силы и передовых военных технологий во всех сферах для нанесения поражения противнику. Он может включать использование ОМУ, системы запрета доступа/воспрепятствию доступа, глобальные ударные системы, подводные платформы, передовые киберинструменты и противокосмические системы наряду с другими средствами»¹⁶.

Гибридный конфликт – это «сочетание конвенциональных и иррегулярных сил, чтобы создать двусмысленность, захватить инициативу и парализовать противника. Может включать использование как традиционных, так и асимметричных систем»¹⁷.

Внутригосударственный конфликт подразумевает «использование небольших подразделений и сетей для ведения подрывной антиправительственной работы и получения контроля над населением. Может включать применение самодельных взрывных устройств, легкого вооружения, пропаганды и террора»¹⁸.

Как следует из этих определений классическое сдерживание может относительно эффективно применяться в межгосударственных конфликтах, где участвуют государства со своей стратегической культурой, определённым потенциалом, понят-

¹⁴ The 2022 National Defense Strategy of the United States of America. P. 10.

¹⁵ The National Military Strategy of the United States of America. Washington D.C., 2015. P. 4 // URL: <https://news.usni.org/2015/07/02/document-2015-u-s-national-military-strategy>

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. P. 4.

ными целями и способами их достижения. В целом можно утверждать, что в этом случае работает рациональная модель с поправками на особенности стратегической культуры. Однако весьма затруднительно реализовывать классическое сдерживание в условиях гибридного и внутригосударственного конфликта, где не всегда непонятно, кто противник, где он, какие средства будут применяться и какие действия могут последовать. Классическая рациональная модель не будет эффективной, а фактор иррационализма особенно высок в таких конфликтах. Такие угрозы, в отличие от межгосударственных конфликтов, имеют асимметричный характер.

Однако ввиду меняющегося глобального геополитического ландшафта в результате нарастающего стратегического соперничества между США и КНР американские планировщики полагают, что вероятность межгосударственных конфликтов резко возрастает по сравнению с другими.

По оценке руководителей Комитета палаты представителей по вооружённым силам конгресса США, «партнёрство между Китаем, Россией, Ираном и Северной Кореей является серьёзным сдвигом в стратегической обстановке. Это делает каждую из этих стран сильнее в военном, экономическом и дипломатическом отношении и ослабляет наши инструменты для борьбы с ними. И это повышает вероятность того, что будущий конфликт распространится

на театры военных действий. Мы можем оказаться втянутыми в глобальную войну масштаба Второй мировой войны. Силовая структура, которую СНБ (Стратегия национальной безопасности. – *Авт.*) предлагает для решения этой задачи – по сути, наличие вооружённых сил на одном театре военных действий с дополнительными ресурсами для сдерживания агрессии в других местах – недостаточно. На двух приоритетных театрах уже идут войны, а на третьем – существенная угроза с Китаем. Оборонная стратегия до 2022 г. определяет Китай как “нарастающий вызов”. Мы видим, что Китай в некотором смысле опережает Соединённые Штаты. США по-прежнему обладают самой сильной в мире армией с самым дальним глобальным охватом. Но когда мы приближаемся к побережью Китая на расстояние менее тысячи миль, мы начинаем терять военное превосходство и можем оказаться на проигравшей стороне в конфликте»¹⁹.

В современных условиях уровни сдерживания времён холодной войны, такие как стратегический уровень, уровень ограниченной войны и уровень ниже ограниченной войны, не отражают весь спектр современных конфликтов и не покрывают все возможные сферы и необходимые ресурсы силового воздействия на противника.

Возникают вопросы к реализации стратегии сдерживания в условиях применения киберсредств в гибридных конфликтах и особенно действия в киберсфере. Прежде всего

¹⁹ Statement of Chair Harman and Vice Chair Edelman Commission on the National Defense Strategy Testimony before the House Armed Services Committee, September 18, 2024. P. 3–4 // URL: <https://docs.house.gov/meetings/AS/ASoo/20240918/117668/HHRG-118-ASoo-Wstate-HarmanJ-20240918.pdf>

кибератаки сложно рассматривать с позиции классического международного права (гл. 7 и в особенности ст. 51 Устава ООН), регулирующего возможность применения силы в международных отношениях. Проблема в том, что кибератаки являются некинетическими действиями по своему характеру. Сложность также заключается в том, как идентифицировать и классифицировать применение силы в киберпространстве. Хотя активные ответные действия предусматриваются как на национальном уровне, так и на уровне военно-политического союза, в частности в НАТО.

В коммюнике Брюссельского саммита (НАТО. – *Авт.*) подчёркивается: «В то время как основная ответственность за реагирование на гибридные угрозы лежит на целевом государстве, НАТО готова, по решению Совета, оказать помощь союзнику на любом этапе гибридной кампании, проводимой против него, в том числе путём развёртывания Группы поддержки контргибридов. В случае гибридной войны Совет может принять решение о применении статьи 5 Вашингтонского договора,

как и в случае вооружённого нападения»²⁰.

Ещё одна трудность проявляется в проблеме атрибутивности источника кибернападения.

Некоторое время назад заместитель министра обороны США У. Линн отмечал: «В то время как у ракеты есть обратный адрес, у компьютерного вируса, как правило, его нет. Экспертная работа, необходимая для идентификации злоумышленника, может занять месяцы, если идентификация вообще возможна»²¹. «Реализация такого сценария (возможность реализации ст. 5 Устава НАТО при кибернападении. – *Авт.*) может оказаться опасной и привести к непредвиденным последствиям. Проблема атрибутивности кибернападения не решена. Об этом говорил автору этих строк один из военных представителей Североатлантического альянса. По-прежнему сложно определить страну нападения, а ещё сложнее доказать, что нападение совершено государством, а не хакерами. Реализация ст. 5 Устава НАТО в таких условиях может привести к ошибке и иметь трагические результаты»²².

По крайней мере, два этих обстоятельства требуют серьёзной теоретической проработки стратегии сдерживания.

Если американское руководство возьмётся за реализацию стратегии сдерживания в киберпространстве в таких условиях, то успешная реализация стратегии сдерживания будет невероятно сложной, а успех весьма сомнительным.

²⁰ Коммюнике Брюссельского саммита. Издано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 14 июня 2021 г. // Пресс-релиз (2021) 086 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm

²¹ *Lynn William III*. Defending a New Domain: The Pentagon's Cyberstrategy // *Foreign Affairs*. Vol. 89. № 5. September/October 2010. P. 99 // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2010-09-01/defending-new-domain>

²² *Иванов О.* Трансформация НАТО: от потепления климата до замерзания в политике // *Обозреватель—Observer*. 2022. № 11–12. С. 9.

Библиография • References

- Иванов О.* Американский взгляд на стратегическое соперничество и роль военной силы // *Обозреватель–Observer*. 2024. № 2. С. 27–36.
- [*Ivanov O.* Amerikanskij vzglyad na strategicheskoe sopernichestvo i rol' voennoj sily // *Obozrevatel'–Observer*. 2024. № 2. S. 27–36]
- Иванов О.* Трансформация НАТО: от потепления климата до замерзания в политике // *Обозреватель–Observer*. 2022. № 11–12. С. 5–16.
- [*Ivanov O.* Transformaciya NATO: ot potepleniya klimata do zamerzaniya v politike // *Obozrevatel'–Observer*. 2022. № 11–12. S. 5–16]
- Клаузевиц К.* О войне. М.: Московский рабочий, 1990. – 1024 с.
- [*Klauzevic K.* O vojne. M.: Moskovskij rabochij, 1990. – 1024 s.]
- Коммюнике Брюссельского саммита. Издано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 14 июня 2021 г. // Пресс-релиз (2021) 086 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm
- [Kommyunike Bryussel'skogo sammita. Izdano glavami gosudarstv i pravitel'stv, uchastvuyushchimi v zasedanii Severoatlanticheskogo soveta v Bryussele 14 iyunya 2021 g. // Press-reliz (2021) 086 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm]
- Шеллинг Т.* Стратегия конфликта. М.: Ирисэн, 2007. – 373 с.
- [*Shelling T.* Strategiya konflikta. M.: Irisen, 2007. – 373 s.]
- Craig G., George A.* Force and Statecraft. Oxford: Oxford University Press. 1995. – 304 p.
- George A., Smoke R.* Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice. N.Y.: Columbia University Press, 1974. – 666 p.
- Lynn William III.* Defending a New Domain: The Pentagon's Cyberstrategy // Foreign Affairs. Vol. 89. № 5. September/October 2010 // URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2010-09-01/defending-new-domain>
- Statement of Chair Harman and Vice Chair Edelman Commission on the National Defense Strategy Testimony before the House Armed Services Committee, September 18, 2024. P. 3–4 // URL: <https://docs.house.gov/meetings/AS/ASoo/20240918/117668/HHRG-118-ASoo-Wstate-HarmanJ-20240918.pdf>
- The 2022 National Defense Strategy of the United States of America // URL: <https://www.usagovpolicy.com/2022-national-defense-strategy/>
- The National Military Strategy of the United States of America. Washington D.C., 2015 // URL: <https://news.usni.org/2015/07/02/document-2015-u-s-national-military-strategy>

Статья поступила в редакцию 22 октября 2024 г.